

НЕ ХОЧУ

на физкультуру!

Станислава Бер

16+

Станислава Бер

Не хочу на физкультуру!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бер С.

Не хочу на физкультуру! / С. Бер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1641-2

Московская школа в старинном особняке – не предел мечтаний для учителя физкультуры Максима Штурца. Найти щедрую поклонницу и всё, что к ней прилагается, вот это да, это для него. Школьники, успешный фотограф, известная модель и бухгалтер. Какая тайна их связывает? Тучи сгущаются над городом. Странные сообщения, пугающие галлюцинации – лишь прелюдия к кошмару. Кто преследует Макса? Что он натворил, чтобы так его ненавидеть?

ISBN 978-5-5321-1641-2

© Бер С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Весь апрель никому не верь	5
Люблю грозу в начале мая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Весь апрель никому не верь

Как же достали заумные разговоры ни о чем. Максиму нужно делать вид, что он понимает или хочет понять этих умников. Опоздал, зашёл за журналом в учительскую, и на тебе – его опять втянули в дискуссию. Ох, как не вовремя! К уроку надо готовиться, а не разговоры разговаривать. Захлебнувшись на высокой ноте, отзвенел звонок, и началась большая перемена в московской школе.

– А-я-яй, Максим, Алексеевич! Да Вы – трус, – выпалила учитель математики Маринэ Михайловна Мельникова, немного выпучив и без того большие карие глаза. – Ответственность – тяжкое бремя, но как раз она отличает взрослого человека от ребёнка.

– Ой-ё-ёй! Успокойтесь, Мариночка, – Макс поднял вверх обе руки, мол, сдаюсь, отбрасывая со лба крупную прядь каштановых волос.

– Принять на себя ответственность за свои поступки, не перекладывать её на плечи другого – всё это делает тебя сильным и свободным. Разве Вы так не считаете, Максим?

– Каюсь. Виновен. Ответственность – это не моё. Я ведь сам ещё ребёнок.

Максим Алексеевич, школьный физрук, рассмеялся и впрямь по-детски, заразительно, так, что все, кто был в учительской, невольно улыбнулись. Даже химичка Ираида Борисовна, маленькая полуседая, полурыжая толстушка с остатками "химии" на голове, обошла без сарказма и натянула улыбку на морщинистое лицо. Дамы помоложе оторвались от своих дел и посмотрели на мужчину, млея от его смеха.

А млеть там было от чего. Максим Штурц, высокий ладный шатен с глазами цвета морской лазури смеялся, запрокидывая голову назад. Он ещё не успел переодеться в спортивный костюм, поэтому его накаченный торс обтягивала белая классическая рубашка, предусмотрительно расстёгнутая на груди, а синие джинсы поддерживали широкие подтяжки. Одна деталь портила его образ – кривоватые ноги. Но кому это мешает? Макс точно не заморачивался по этому поводу и носил узкие брюки.

Школа эта была необычная. Без всяких уклонов, наклонов, изгибов в сторону английского языка, гуманитарных наук или физики. В этом смысле она была самая что ни на есть обычная московская школа. Её необычность заключалась в том, что располагалась она в старинном особняке. Под охраной государства здание не числилось. Детским ногам памятник архитектуры в центре Москвы никто не разрешил бы сотрясать. Просто во время войны сюда перебрались школьники, учебники, карты и педагогический коллектив, да так и остались.

Старая постройка оказалась на редкость крепкой и устойчивой. До революции в особняке жил уральский промышленник. Двухэтажное желтое здание по тем временам было шикарным, со всеми удобствами – водопроводом, канализацией, электричеством, даже телефон установили. Фасад украшала лепнина на тему древнегреческих мифов. Учитель истории Николай Сергеевич, сухощавый мужчина со впалыми небритыми щеками иногда проводил уроки на улице, показывая ребятам античных героев прямо на стене. Полукруглый портик поддерживали высокие белые колонны с полуголыми гречанками. Парадная лестница раздваивалась в полукружье и приводила сразу на второй этаж. На первом этаже раньше были хозяйственные помещения и комнаты для прислуги.

Физрук отсмеялся, раздвинул жалюзи и выглянул в окно. Особняк окружала массивная ограда с ажурными коваными воротами. Перед парадным входом была небольшая аллея, со скамейками и когда-то белыми скульптурами ангелочков с вазонами и нимфами. Летом ботаничка с завхозом высаживали цветы в клумбы и вазоны. Но сейчас в разгаре был апрель, и только недавно сошёл снег, обнажив неприглядную грязь. Оставленный с осени мусор торчал из-под сугробов, как язвы на теле больного. День был солнечный, небо ясное, пели птицы. Чувствовалось, скоро долгожданное лето.

– Доброе утро, педагоги! – в учительскую вплыла, высоко подняв подбородок и чуть прикрыв глаза, Маргарита Николаевна Зыбина, директор школы. Она всегда так плавно и величественно ходила, что было непонятно, она ноги вообще передвигает. Важная птица, сразу видно.

– Здравствуйте! Доброе утро! – послышалась разноголосица в ответ. Начальство надо приветствовать бодро.

– Попрошу минуточку внимания! Вы все прекрасно знаете, что сейчас происходит в стране с пожарными, – Маргарита Николаевна многозначительно выдержала паузу.

– Это такая трагедия! – тут же подхватила Ираида Борисовна, сложив пухлые ручки на плоской груди.

– Проверяют всё и вся, – продолжила директор. – В нашу школу тоже скоро придут с проверкой. Мы с завхозом уже сделали обход территории, а вас я попрошу провести уроки пожарной безопасности и ещё раз осмотреть классы.

– Конечно, проведём! – снова первой откликнулась Ираида Борисовна, потрясая рыжеватыми кудряшками. – Я Вас умоляю, Маргарита Николаевна, дорогая, не волнуйтесь. Проверку пройдем!

– И вот ещё что, – уже в дверях заметила директор. – Старшеклассники курят за флигелем. Максим Алексеевич, проведите разъяснительную беседу о вреде курения.

– Будет сделано! – Макс шутливо козырнул.

Маргарита Николаевна пристально на него посмотрела, ухмыльнулась и, ничего не сказав, вышла из учительской.

– А костюмчик-то у неё опять новенький. В весёленькую полосочку, – заметила старая химичка как бы в воздух, не успела закрыться дверь за начальницей. – И такой вырез на блузке мама дорогая. Всё молодится наша Марго. А куда спрашивается? Пенсия на носу.

– Ираида Борисовна, как Вам не стыдно?! Во-первых, обсуждать людей за спиной – это свинство, – Мельникова побагровела от возмущения.

– А что во-вторых, деточка? – снисходительно процедила химичка. Одинокая и некрасивая, Ираида Борисовна всю жизнь пыталась сделать карьеру сначала для покойного папы, чтобы гордился, потом для себя. Подняться хоть на одну ступеньку по карьерной лестнице не удавалось из-за скверного характера. Не поддерживали её ни внутри коллектива, ни снаружи. А какой руководитель без поддержки, так, пыль одна.

– А во-вторых, не надо завидовать! Маргарита Николаевна прекрасно выглядит для своих лет. Что плохого, если человек следит за собой? – сказала молодая математичка с восточной горячностью, передавшей ей от матери.

– Да ничего. Было бы чему завидовать.

Макс спешил на урок. Шёл по коридорам школы пружинистым шагом, напевая песенку Леонида Утёсова "Мишка-одессит". Шёл и думал, он ожидал от жизни большего, но хоть в чем-то ему повезло. Простой парень из Рязани, а работает в таком красивом месте. Шесть лет он – учитель физкультуры в этой школе. Ему всё здесь нравилось – дубовый паркет, утонченный декор на стенах, массивные резные двери. Что уж говорить, умели раньше люди жить с размахом. Он представлял себя в шёлковом халате на голое тело разгуливающим по усадьбе и щиплющим девок. Особняк навевал именно такие мысли. Их хотелось смаковать, как конфету, растягивая удовольствие. Удивительное место, знатное, с историей. Мог ли он представить себя здесь двадцать лет назад? Никогда. В то время он мечтал стать бандитом как сосед дядя Коля, на черном Мерседесе и в окружении красивых девушек. В девяностые все мальчишки во дворе хотели пойти в бандиты. Это сейчас каждый подросток спит и видит себя видеоблогером в Инстаграме с армией подписчиков, а тогда всё было по-другому.

Школьный спортзал занимал большое помещение с высокими потолками. Макс осмотрел свои владения. Раньше уральский промышленник устраивал здесь суаре, рауты и прочие званые вечера и называл бальной комнатой. Позднее положили резиновое покрытие, разлино-

вали пол для игр и соревнований, повесили сетки и кольца, бросили мячи и маты, и можно заниматься спортом. Скоро начнётся урок физкультуры у первоклашек. Нужно настроиться: самому переодеться, инвентарь подготовить. Малышня шустрая нынче пошла, глаз да глаз за ними нужен.

А класс залетел на физкультуру как обычно – с шумом и гамом, галдящий копошащийся комок из маленьких тел. Кое-кто даже успел подражаться до начала урока.

– Алексеев, куда ты лезешь? Оставь козла в покое. Ты ещё даже не в спортивной форме. Марш в раздевалку!

Через пятнадцать минут шеренга мальчишек и девчонок в белых футболках и синих шортах стояла ровно по линии. За учебный год физруку удалось научить малышей спортивной дисциплине. Сейчас пройдёт разминка, потом будем учиться лазить по канату. Всё шло своим чередом, когда Максу позвонил двоюродный брат. Антон просил в выходные помочь ему с ремонтом мотоцикла.

– А-а-а! – истошно завопил Алексеев. В спортзале сразу стало так тихо, что Штурц услышал, как бьётся его сердце. Ребятня замерла, увидев, как одноклассник не удержался и сорвался с каната. Хоть и на маты упал, но высота была приличная. Непослушный Алексеев залез выше, чем показал физрук, и вот результат.

Макс оглянулся на крик и замер. Холодный липкий пот моментально покрыл всё его тело. Майка и штаны стали мокрыми и тяжёлыми, ноги неподъёмными, как будто гири к ним привязали. Его парализовало. В голове пульсировало "Как же так?". Он сглотнул, собрал волю в кулак, сбросил вызов Антона и подбежал к ученику.

– Тимофей, ты как? – осторожно спросил учитель, ощупывая пострадавшего. Всё ли цело?

– Нормально, – ответил Алексеев, всхлипывая. Он из-за всех сил пытался держаться молодцом и поглядывал на Воробьёву. Оценила его подвиг?

– Полежи пока так. Я сейчас медсестру позову. Главное – не двигайся. Могут быть переломы.

Помощь подоспела быстро, не прошло и пяти минут. Медработник осмотрела мальчика.

– Вроде всё в порядке. Отклонений от нормы я не вижу.

– Ну, слава богу, – выдохнул Макс и вытер влажный лоб.

– Вы бы не радовались раньше времени, – Маргарита Николаевна уже успела обо всем узнать и присоединилась к осмотру. – Вызывайте скорую, Леночка. Неизвестно, что с ним будет к вечеру.

Следующий урок физкультуры был у 10Б, старшеклассники уже толпились в коридоре в нетерпении. Коротко стриженный белобрысый юноша Виктор Скрябин, только что хохотавший над шуткой друга Артёма Лысенко, замер в дверях, увидев неподвижного мальчика, распластавшегося на матах. Перед глазами возникла картинка из прошлого. Дежа вю?

– Тайсон, ты чего застрял? Проходи давай, – Лысый толкнул товарища в спину.

– Эй, движение не останавливайте! – в него уже врезалась Даниель, хорошенькая мулатка.

– Да, подождите вы! Там малец разбился. С каната упал.

Всё обошлось. Врач скорой помощи подтвердил, что с мальчиком всё в порядке. Макс проводил ученика и его маму, вызванную по такому случаю, до дома и, когда за ними закрылась дверь, выдохнул с облегчением. Пошёл к машине.

В женском коллективе ему не сладко приходилось. Надо постоянно держать ухо востро. Стычки, обиды, "дружим" против "этой выскочки" случались каждый день, но Штурц к ним со временем привык. Тем более он-то был всеобщим любимчиком. Даже старая язва Ираида смотрела на него снисходительно, хоть и считала тупым. Некоторые дамы откровенно вздыхали, строили глазки и часто искали расположения учителя физкультуры. "Какая няшка наш физрук," – говорили старшеклассницы. Как же ему это нравилось! Макс хотел быть центром

женского внимания, и у него это получалось. Ещё он мечтал о щедрой поклоннице. Красивой, заботливой, со связями. Эх, где же такую взять? Он, конечно, прибеднялся. Была такая пассия, с деньгами и при деле, но ему хотелось большего – больше денег, больше связей. Всё, хватит о бабах! Долгий рабочий день закончен. Нужно ехать домой.

Дом находился далеко, в спальном районе Москвы. Старая пятиэтажка попала под программу реновации и терпеливо дожидалась сноса. Жильцы не делали ремонт, предвкушая новое жильё в ещё более далёких районах. Дом ветшал. Ну и что. Зато своё, родное, можно сказать, родовое гнездо. Квартира Максудосталась от деда, Максима Константиновича. Жёсткий был мужик, основательный, но Макса любил. Двоюродный брат Антон был старше Макса на два года. Он хоть и рос рядом, при деде, но хлипкий был, очкарик, одним словом. Вечно Антошка то с книжкой ходит, то в компьютере сидит, то сопли у него до колен висят, а мать над ним кудахчет, как наседка, болезненное дитяtko. Тьфу!

Другое дело Макс – сильный, вёрткий, подтянутый. Дед из-за Макса даже дочь свою простил, уехавшую за мужем в Рязань против воли отца, и общаться стал после того, как увидел славного мальчугана, как две капли воды похожего на него, да ещё и названного в честь деда. Максимка улыбнулся, и растаяло сердце старого упрянца. А как умирать собрался, так рассудил: Антон с матерью живёт, квартира у них большая, хорошая, а Макс у тётчи в приживалах числится. Неправильно это. Вот и завещал любимому внуку квартиру, а сам через полгода преставился.

Физрук осторожно повернул ключ в замочной скважине, но это не помогло. Котёнок его услышал раньше, ждал у дверей и при первой возможности бросился в коридор, хоть Макс и пытался выставить ногу и загородить проход. Пришлось бегать за ним по тамбуру, ловить и нести домой, как добычу.

– Папа пришёл! – на встречу выбежала Даша. Макс наклонился, дочь обняла его за шею. Соскучилась.

– Привет, Дашулик! Привет, моя родная, – физрук поцеловал дочку в лоб, обнял в ответ. – Ну, пусти уже меня. Я даже куртку ещё не снял, руки не помыл после улицы.

– Привет! – из кухни выглянула Ксения в футболке с длинными, но закатанными рукавами, в белом фартуке. – Голодный?

– Как из пушки.

– А ты вовремя. Ужин почти готов.

– А что у нас на ужин?

– Жареная картошка с грибами. А ты чего так поздно?

– У меня сегодня на работе был кромешный ад. Первokлассник упал с каната.

– Да ты что! – Ксения опять выглянула из кухни, не переставая помешивать что-то в мисочке. – И как?

– Всё хорошо.

– А у меня сегодня тоже был ад на работе. Представляешь, Маркова заболела, и мне пришлось проводить занятие по ветеринарии в её группе. А у неё такие студенты ленивые. Как она с ними справляется, не понимаю.

– Ну, ты же справилась? – Макс наконец разделся, помыл руки и пришёл на кухню. Приобнял жену и поцеловал её в щеку.

– Спрашиваешь. Конечно! – бодро сказала женщина, но выглядела при этом неуверенно. – О, вспомнила. Надо кота покормить перед тем, как сядем есть.

Штурц сел за стол и посмотрел на неё. Ксюша была на год его моложе. Стройную кареглазую шатенку с большим ртом и вздернутым носиком трудно было назвать красавицей. Косметикой она особо не пользовалась, одежду носила практично-удобную. Зато волосы у неё были красивые. Шелковистые на ощупь, они крупной волной падали на плечи. Ксения закан-

чивала аспирантуру и работала ассистентом на полставки на кафедре в аграрном университете. Скромная умница и коренная москвичка. Максимум этого было достаточно.

– М-м-м. Какая вкуснятина! Картошечка у тебя получилась просто класс – хрустящая, с поджаристой корочкой, как я люблю.

– Я рада, что тебе понравилось. А то вечно у тебя претензии и придирки, – Ксюша сделала вид, что обиделась, но при этом смотрела на мужа влюбленными глазами. – Где-то тебе вкуснее готовят, слаще. Да, Макс?

– Неправда, – сказал Штурц и решил сменить тему. – А как твоя диссертация?

– Нормально, – ответила Ксения, прожевывая картошку. – Я тебе вчера вроде говорила. Осталось две статьи написать и экзамен по специальности сдать. Осенью, наверно, будет защита, а если не получится, то весной.

– Мама, а ты от кого будешь защищать диссертацию? – спросила Даша, отложив вилку. Этот вопрос её давно интересовал.

– От плохих людей, – рассмеялась Ксения и щёлкнула дочь по носу.

Вечером Макс на цыпочках вышел из детской и осторожно прикрыл за собой дверь. Две сказки и поцелуй в щёку – это была ежевечерняя процедура, без которой Даша отказывалась спать. Дверь рассохлась и плохо закрывалась. Петли скрипели, надо бы смазать, но скоро переселение, и ничего не хотелось менять в этом старом доме – всё равно под снос. Мягкое кресло скучало без него весь день. Какое наслаждение – развалиться и вытянуть ноги после дня беготни. Он плюхнулся и включил телевизор. Дом-2 на канале ТНТ, конечно. Идеальная передача. Кто её придумал, просто гений: начинается поздно, в 23:00, всегда успеешь; ребята молодые и ничего не делают, а им за это ещё и деньги платят, и говорят, деньги немалые. Завидно даже.

Эх, когда-то и он был молодым и полным надежд. Куда всё делось? После школы приехал в Москву, теперь уже не в гости, а насовсем. Планы по её завоеванию были грандиозными. Педагогический институт – это так, для начала. Как говорят физкультурники, разминка. Он хотел большего – денег и неземной любви. Любви к себе, конечно. Как их получить? Мозгов у него немного, как не прискорбно, но факт. Максим Штурц – не умник и не зубрила, как брат Антон, легко закончивший МГУ. Связей – полный ноль. Зато он обворожительно красив. Этим надо брать Москву. Вон тут сколько "голодных" и богатых женщин.

В педагогическом на первом собрании студентов к нему подсел плотный парень. Познакомились. Андрей Смирнягин – болтун и балагур, сразу подметил красавчика в группе. С таким знакомиться с девчонками проще простого. Олег Корнейчук, или просто Корней – невысокий выходец из подмосковных Люберец, больше молчал, но молчал красноречиво – играя мускулами. Иногда троючку дополнял брат Антон. Должен же кто-то помогать с учебой. За это его брали на вечеринки в женскую общагу. Да, были времена.

* * *

Десятиклассник Виктор Скрябин шёл домой по Гоголевскому бульвару. Он часто здесь ходил и жил недалеко. С ранних лет бульвар стал частью его жизни. Здесь они с отцом и мамой гуляли по воскресеньям. Мама рассказывала ему про Гоголя, что жил знаменитый писатель совсем в другом месте в Москве, а бульвар назвали в честь памятника. Отец, железнодорожник, был тогда ещё о двух ногах. Позже в аварии он потеряет одну ногу, и жизнь их изменится. Не к лучшему. Ни о каких гуляниях речи уже не будет. На бульваре они с пацанами залезали в железную лодку к Шолохову, переплывающему Дон. Вите было жаль лошадей по обе стороны от лодки. Ему казалось, что они скоро утонут. Но каждый раз, проходя мимо, он обнаруживал коней на своём месте и радовался этому.

Дома Виктора никто не ждал. Квартира, когда-то хорошая и светлая, досталась отцу по наследству, от своего отца. Раньше у них часто бывали гости, и звучал смех. Сейчас она представляла собой жалкое зрелище: краска облупилась, обои пожелтели, мебель засалена и обо-

драна, сантехника периодически выходит из строя. Когда-то сверкающий паркет истёрся, в пазы забились грязь, плашки повылезали одна за другой. Его бы отреставрировать. Скрябин, как мог, боролся с запущенностью, но у него плохо получалось. Маме же было безразлично, как выглядит их жилище. Юноша переделался и принялся за привычную домашнюю работу. Сначала нужно приготовить обед. Здоровое питание – залог успешных тренировок, а парень серьёзно занимался спортом. Потом убраться и починить дверь в ванную. Устав после двух часов полезных занятий, он прилег на диван отдохнуть и незаметно уснул.

– Главное – не забыть сделать домашку, – была его последняя мысль, перед тем как провалиться в сон.

Снилось ему детство. Из тумана выплывали отец и мама. Они принесли домой большой свёрток. Сказали, мол, у тебя теперь есть сестра, Витюша. Ты – старший брат и защитник. Он долго всматривался в сморщенное лицо и не мог понять, как это можно любить и защищать. А когда родители восторгались уродцем из свёртка, ему хотелось выбросить эту "маленькую красавицу" в окно, чтобы всё было, как раньше – мама, папа и он, Витя, единственный ребёнок в семье. А потом отец потерял ногу, стал инвалидом, мамы на всех не хватало. Виктору пришлось ухаживать за сестрой, менять подгузники, гулять на улице, бегать на молочную кухню, и постепенно он привязался к хрупкому созданию, так трогательно тянущемуся к нему. "Витя, на ручки! Витя! Витя!"

– Витя! Ты что уснул? – мама трясла его за плечо. – Спать в это время не хорошо. Голова будет болеть.

– Да я прилег только. Ты давно пришла?

– Недавно, – сказала Ольга Скрябина, потрепав сына за ёжик светлых волос.

Люблю грозу в начале мая

Май в этом году выдался тёплым. Аномальные апрельские морозы отступили, и весна резво вступила в свои права. Ночью и утром было ещё прохладно, днём же солнце припекало так, будто хотело наверстать упущенное. В ответ на долгожданное тепло быстро распустились листочки на деревьях. Кажется, они в один день из маленьких почек превратились в листья и с радостью прорвались на свободу. Деревья сначала робко, потом смелее укутались в зелёные наряды. Запахло весной и в старом особняке. Появились первые цветы в вазонах, заботливо рассаженные ботаничкой, зажужжали насекомые, радостнее запели птицы.

Тем приятнее было проводить уроки физкультуры на улице. Ребята с видимым удовольствием скинули надоевшие куртки и в одних футболках и шортах разминались перед игрой. Как такового стадиона у школы не было, поэтому под спортивные занятия выделили большую ровную площадку на заднем дворе, оборудовали её воротами и сетками. Иногда мячи улетали за каменную ограду, и приходилось засылать быстробегающего ученика за ворота.

Макс посмотрел на скамейку запасных. Там сидели две девочки, освобожденные от уроков физкультуры по медицинским показаниям. Особо болезненными их нельзя было назвать. Скорее всего, мамочки сделали своим чадам справки по знакомству. Школьницы залипли в телефонах, изредка хихикали, показывая друг другу фотографии. Эх, отправить бы их сейчас на пятикилометровый забег! Но нельзя, жалоб потом не оберёшься. Марго будет сверлить его взглядом, от которого у него живот сводит судорогой, и выговор влепит, а то и премии лишит. С неё станется.

– Команды, построились! – физрук дунул в свисток что было сил.

– Максим Алексеевич, нам обязательно играть в футбол? Это входит в учебную программу? – темнокожая Даниель собрала вокруг себя почти всех девчонок из 10Б. Та-а-ак, кажется, бунт намечается.

– Обязательно, Семёнова, – нарочито равнодушно ответил Штурц.

– А маникюр Вы мне будете оплачивать? – дерзко бросила предводительница саботажников.

– И синяки замазывать? – подхватили остальные.

– А чё, Даниель, давай я тебе синяки буду замазывать, – Артём Лысенко не мог пропустить такую перепалку. Парень учился плохо, но был общительным, можно даже сказать, вездесущим, знал всё обо всех в школе. Артёму казалось, что он самый крутой – модная стрижка, густые сросшиеся брови, серьга в левом ухе, но девчонки почему-то так не думали и считали его несерьёзным. Ох уж эти девчонки. Какие же они странные и красивые. Они манили его своей загадочностью. Инопланетянки.

– Синяков боитесь, значит. Ну, хорошо, – Макс оглядел спортивную площадку. – Слушай мою команду! Парни разбиваются на две группы, играют в футбол. Девушки бегут три километра на время. Оценки пойдут в журнал.

– Три километра? – взвыли школьницы.

– Ну, а что? Маникюр теперь вы точно не испортите. И в учебную программу это входит, – сказал физрук и самодовольно улыбнулся. Макс спиной чувствовал, как летят проклятья в его сторону, но ему это даже нравилось.

– Тайсон, иди сюда, – Лысый поманил Виктора к себе.

– Чего тебе?

– Дело есть, – сказал Артём и понизил голос до шёпота. Ребята переговаривались несколько минут.

– А что это мы шепчемся как девчонки, а, Артёмчик? – Даниель Семёнова была не менее любопытной, чем Лысенко, и не пыталась этого скрывать. Темнокожей девушке в белой России

жилось неплохо, если не считать пьяных дебилов в подворотнях, кричащих в след "А жопа у тебя тоже чёрная?". Мама пугала её скинхедами, не разрешала гулять в тёмное время. А в остальном всё было здорово – учёба давалась легко, друзья не подводили в трудные минуты, и даже был объект тайного вздыхания.

– Беги свои три километра, не мешай мужчинам разговаривать, – парировал парень с ухмылкой. – Вить, ты чего так побледнел?

Тёма приметил Витю в первом классе, сам подбежал на перемене, познакомился. Высокий пухлый мальчик внушал доверие. Спокойный, основательный Скрябин был полной противоположностью Лысенко, редко доводящего дела до конца. Их тянуло друг к другу как магнитом. Дружба длилась десять лет, из их семнадцати.

– Ты, правда, это слышал? Ничего не путаешь? – спросил Скрябин, сдвинув брови.

– Зачем мне врать? Вот те крест, – ответил Артём и перекрестился для большей убедительности. Новая фишка в его поведении, нарочитая набожность. Крест стал носить поверх футболки, креститься по поводу и без него.

Гоголевский бульвар с приходом весны преобразился. Зелень оживила московскую серость, потеплело, и прохожие с удовольствием сидели на лавочках даже утром. Виктор смотрел из окна, провожая взглядом мать. Ольга Скрябина шла по улице, не поднимая головы. Она когда-то была красавицей, теперь же от былой красоты мало что осталось – седая, сутулая, в поношенной одежде. Ольга шла на работу и совсем не замечала окружающих. Слабо-тонированные очки прятали её потухший взгляд. Она жила как во сне: приходила на работу, что-то делала на автомате, возвращалась домой, спрашивала у сына, как дела, и, не дослушав, включала телевизор. Что вещает телеканал, она тоже почти не замечала, её мысли были далеко. Затуманенный взгляд гулял по стенам, пока не наткнулся на фотографию в рамке с чёрной ленточкой в уголке.

Офис компании, где Ольга работала бухгалтером, был в шаговой доступности от дома. Она ходила этой дорогой много лет и знала каждый выступ на зданиях, тротуарах и переходах. Наверно, если завязать ей глаза, она легко нашла бы дорогу на работу и обратно. Компания была русской в отличие от многочисленных офисов иностранных фирм, захвативших центр Москвы практически без боя. Русское название без англицизмов, русские по большей части сотрудники, русские обычаи в ведении дел, то есть бардак не поощряется, но допускается. Куда же без него, нашего русского "Как-нибудь само рассосётся". Компания торговала природными ресурсами, построила пару заводов и открыла несколько филиалов по стране. В отчетах можно было утонуть как в море, поэтому бухгалтерия была серьёзная, человек тридцать трудились в поте лица.

– Ольга Ивановна, что с Вами? – новенькая в бухгалтерии девушка подошла к женщине. – Что-то случилось?

Скрябина сидела, не двигаясь, смотрела в одну точку на мониторе, по лицу текли слёзы.

– Катя, оставь её в покое, – тихо посоветовала опытная коллега.

– Но она ведь плачет. Может, помощь нужна, – настаивала девушка.

– Помощь-то ей нужна, только не наша, а медицинская.

– Правда?

– Иди сюда, скажу что-то, – в полголоса подозвала старшая коллега. – Весна пришла, а отсюда что следует?

– Что?

– У психических обострение началось.

– А она что, того? – покрутила у виска Катя и с удивлением взглянула на Скрябину.

– Как тебе сказать... Ну, есть немножко. Если честно, жаль её. Она ведь раньше у нас главным бухгалтером была.

– Не может быть! – опять повернулась к Ольге девушка, оценивающе осмотрела. Не скажешь.

– Точно тебе говорю. Потом горе в семье, и вот. Весной и осенью у неё обострение – слёзы, истерики. Перевели на низшую должность. Впрочем, – сплетница еще сильнее понизила голос, – по-хорошему и отсюда надо её гнать. Работница та ещё: то смеётся, сама с собой разговаривает, то плачет, того гляди в окно выпрыгнет. Жалеет её руководство, не увольняет, помнит былые заслуги. К тому же, она единственный кормилец в семье, и до пенсии всего ничего осталось.

* * *

– Вот что я вам скажу, мужики. Бокс – это занятие для благородных джентльменов. И он не только облагораживает, он придаёт уверенность в себе, – бывший спортсмен, многократный чемпион, а ныне тренер по боксу Алексей Каштанов выстроил полукругом ребят, впервые пришедших в его секцию.

Это был обычный спортивный клуб в подвале жилого здания. Клуб открылся тридцать лет назад. Помещение выглядело мрачновато – бетонная коробка с горизонтальными окнами под потолком, с точечным освещением на ринг и снаряды, но оборудование установили высшего класса, и тренеры все как на подбор мастера спорта – элита. Не клуб, а кузница чемпионов.

– Посмотрите на этого парня. Хорош? – тренер похлопал Виктора Скрябина по плечу.

– Хорош! – крикнули самые смелые мальчишки.

– А знаете, каким он заявился ко мне четыре года назад?

– Каким?

– Таким же, как вы. Слабым, пухлым маменькиным сынком, – Каштанов посмотрел на пацанов с вызовом.

Мальчишки сначала обиделись, а потом внимательно пригляделись к здоровому парню и не совсем поверили словам тренера. Перед ними стоял атлет, улыбающийся голубоглазый богатырь. А ведь чемпион был прав. Раньше Виктора во дворе звали Тюбик. Он был толстый, неуклюжий, закомплексованный мальчик. Через год тренировок его было не узнать. Подтянулся, накачался, возмужал. Через два года выиграл первенство Москвы среди юниоров в среднем весе, и иначе как Тайсон к нему теперь не обращались ровесники, с завистью наблюдавшие перемены.

Виктор отзанимался в зале час, отработал удары, защиту, переоделся и пошёл домой. Мать уже вернулась с работы и как обычно уткнулась в телевизор.

– Мама, я дома! – крикнул он с порога.

А в ответ тишина. Нет, не тишина, слабое поскуливание. Опять?

– Мама, что с тобой? – парень вошёл в комнату, встал на колени перед матерью и взял её за руки. Ольга смотрела в экран телевизора, почти не шевелясь. – Мама, ты меня слышишь? Это я, Витя.

Скрябин пытался заглянуть ей в глаза, но взгляд её ускользал.

– Мама, а как же я? У тебя ещё есть я. Ты помнишь об этом?

Женщина, казалось, очнулась, посмотрела на сына и ожила.

– Сейчас мы с тобой примем успокоительное и ляжем в постель.

– Да, Витюша, хорошо, – сразу согласилась мать. Подозрительно быстро. – Ой, смотри, кого по телевизору показывают!

– Кого?

– Да это же Богдан. Ну, помнишь, сосед наш бывший.

Виктор обернулся к телеэкрану. Показывали новости культуры. Известный фотограф Богдан Белый давал интервью. Выставка его работ открывалась в Центральном доме художника.

* * *

Богдан плохо помнил родителей. Только расплывающиеся пятна, а не лица. Они погибли, когда ему ещё не было и трёх лет. Зато он хорошо помнил бабушку. Сухая, черная от солнца, в линялом, но чистом платке, она пережила немецкую оккупацию и всех своих детей. С украинскими песнями бабушка пекла пирожки с картошкой и гладила Богдана по голове, приглаживала обгоревшие на солнце кудряшки. Случалось, он видел, как она крестит его в кроватке перед сном.

Детдом в Виннице, как бы ни хотелось забыть, он помнил хорошо. Помнил все лица и фигуры до последней чёрточки и морщинки, все комнаты и коридоры, все дни и года. Самое сильное воспоминание той поры – это постоянное чувство голода. А ещё неистребимый казенный запах в окрашенных синим холодных стенах. Равнодушные тётки-воспитатели, вороватые пьяненькие завхозы, грубые нянечки каруселью прокручивались в его памяти, как бы он не противился этим воспоминаниям. Тем сильнее Богдану хотелось большой семьи с дружескими вечерними посиделками за чаем. Украдкой наблюдал он за "домашними" детьми и нескрывая им завидовал. Сидеть у папы на плечах на семейных прогулках в парке, как эти капризные непонимающие своего счастья малыши, было его заветной мечтой. Были и другие мечты.

Он обожал рассматривать толстые книги с фотографиями в детдомовской библиотеке. Однажды ему посчастливилось попасть в гости к молодой воспитательнице Валечке, забиравшей пять-шесть ребят к себе на выходные. Добрая была девушка, но долго у них не задержалась, выжили её из коллектива тётки за эту сердечность, которая ни к чему хорошему не приведёт. Зачем сирот баловать? Зачем давать им надежду, что мир будет к ним ласков? Пусть сызмальства привыкают к тяготам жизни. Все ребята ластились к хозяйке дома, мечтали, чтобы она их усыновила, а Богдан сидел в сторонке на кровати со скрипучей железной сеткой и листал её личные фотоальбомы. Альбомы были тяжёлые, старинные с проложенной между страницами тоненькой бумажкой, чтобы фотографии не повредить.

– А это Ваша бабушка? А это кто? – тыкал он пальчиком в пожелтевший, но хорошо сохранившийся снимок.

– Прадед мой. Служил моряком на крейсере ещё в царское время.

– Герой. А это где снято?

– Это фотомастерская Цимермана в Киеве. Видишь, вензель старинный стоит в уголке?

– Точно.

– А ты почему спрашиваешь, Богдан?

– Просто очень красиво.

– Нравятся фотографии? У меня и фотоаппарат есть. Только я пользоваться им не умею, от папы остался.

Валечка достала из шкафа аппаратик в толстом коричневом футляре. Кожа со временем задубела и плохо гнулась.

– А знаешь что, Богдан? Мне это не к чему, только место занимает. Забери его себе. Хочешь?

– Хочу! – не секунды не думая, выпалил мальчик.

Он с трепетом вытащил камеру и не мог поверить, что это сокровище теперь его. Его собственная вещь! Пользоваться сокровищем он смог позднее, через пару лет. Достал фотоплёнку и проявитель, устроил на чердаке фотолабораторию, снимал пейзажи, город, друзей, ловил забавные сценки в детдоме. Так прошёл месяц, пока старшаки не заметили фототехнику и не отобрали.

После интерната Богдан Белый уехал в Москву, учиться. Неплохо устроился в столице: общежитие, стипендия. В девяностых, правда, этих денег не хватало, но нашлась подработка – помощник фотографа. Он учился азам профессии. Это ведь на первый взгляд кажется, что

всё легко и просто. Наводи объектив и щёлкай кнопкой затвора. А как же ракурс и освещение? Но даже не это главное. Без хорошей идеи не будет качественного кадра. Это Богдан понял не сразу. Позднее он уже сам развивал в себе навыки фотоискусства – читал книги, на выставки ходил и за мэтрами подглядывал. Долго бегал внештатным фотокорреспондентом в газете, а немного погодя его работы уже печатались в журналах. Модный по тем временам хвост русых волос и чёрная водолазка засветились на известных показах и светских раутах. Теперь Богдан Белый – частый гость на телевидении, и его говорок с лёгким украинским акцентом, от которого так и не удалось избавиться в столице, звучит с телеэкранов. Он выставляется в Лондоне, Милане и Нью-Йорке, и очередная чёрная водолазка постоянно маячит в богемной тусовке.

* * *

Игривое майское солнце отражалось от окон низеньких купеческих домов на Старом Арбате, бликовало на больших витринах сувенирных лавок, вспыхивало на круглых стеклянных плафонах чугунных фонарей. Маргарита Николаевна Зыбина зажмурилась, солнце ослепило. Она достала солнцезащитные очки из маленькой сумочки через плечо, нацепила на нос. И так морщин хватает. Продолжила прогулку. Как всегда, в хорошую погоду Арбат бурлил, как закипающий борщ. Кого тут только не увидишь: патлатых художников, присевших на складные стульчики, с завлекательными портретами звёзд; виртуозов с саксофоном или гитарой; иллюзионистов и клоунов. Не улица, а развлекательный центр – хоть день ходи, не заскучаешь. И ходят. Молодежь, туристы, влюбленные парочки, попрошайки, полицейские.

Маргарита Николаевна вышла с работы на обед, развеяться, отдохнуть. Зашла в любимый ресторанчик на углу, поднялась на второй этаж и села за угловой столик. Окна в пол открывали чудесную панораму. Сидеть, смотреть на пёструю толпу и думать о своём – это её успокаивало. Наступающая старость и одиночество пугали своей неотвратимостью. Всё время что-то болит – то печень, то суставы, а рядом никого. Не то чтобы помочь, просто высказаться некому и получить в ответ взгляд искреннего сочувствия.

– Вам как обычно? – официант неслышно подошёл к столику, услужливо вытянулся рядом. Чаевые дамочка отстёгивала по-королевски, парни на кухне дрались за право её обслуживать. А ещё от неё исходил аромат дорогих духов и налёт аристократичности. Все её движения были плавными, неторопливыми, вальяжными. Это тоже нравилось персоналу.

– Как обычно, Ванечка, – улыбнулась Зыбина.

Ванечка походил на доброго молодца из сказки – крупные золотистые кудри, глазища в пол лица, брови в разлёт. Студент, наверное. Глазки уж больно умные. Маргарита Николаевна проводила его взглядом, засмотрелась на упругие ягодицы, сглотнула слюну. Вкусняшка.

"Только такой "ванечка" мне не по карману, а мои связи и положение вряд ли привлекут его внимание", – подумала директор школы, отрезала тонкую полоску шницеля и грациозно отправила свинину в рот.

В чистую любовь она не верила. Да и какая любовь? Ей за пятьдесят, ему и двадцати ещё нет. Зыбина вздохнула. Заполучить молоденького мужа, ой как хотелось. Можно и без любви, страсти будет достаточно.

* * *

Зеркало стояло на столе небольшое, круглое, только чтобы нанести крем, косметикой она не пользовалась. Больших зеркал Ксения не любила. Хватало одного в прихожей, посмотреть, всё ли в порядке с одеждой, и бежать. Она почти смирилась с курносостью, горько оплаканной в юности, но огромный рот её раздражал до сих пор. Глаза не выразительные, фигура – так себе. Что там подолгу рассматривать в больших зеркалах? Поэтому она быстро наносила крем и отворачивала зеркало.

Ксения была одна, сидела и смотрела на своё отражение. Что Макс в ней нашёл? Хотелось думать, что доброту, ум и характер. Женщина повела головой и погладила локоны. Он ещё говорил о её красивых волосах. Но когда это было в последний раз? Давно, в год знаком-

ства. Тогда они вышли из академии с подружкой Юлькой в лёгких летних платьях, купили по мороженому и хохотали, довольные на отлично сданной сессией и наступившими каникулами. Симпатичные ребята прицепились по дороге.

- Девушка, а Вы танцами занимаетесь? – крепыш по-хозяйски подхватил Юльку за талию.
- Занимаюсь, – ответила подружка и руку наглеца не убрала.
- Сразу видно, – одобряюще заметил незнакомец.
- Это ещё почему?
- Ноги у Вас красивые.

Подружка покраснела. Молодые люди уговорили их пойти в кафе. Ребята оказались студентами педагогического. Крепыш Смирнягин веселил народ, был душой компании. Два других парня молча улыбались и тоже пялились на красавицу Юльку. Ксения чувствовала себя досадной помехой и мечтала побыстрее смыться, но оставлять подружку одну было неудобно. К вечеру к ним присоединились однокурсники ребят. И тут она увидела Макса. В горле пересохло, она отхлебнула холодного пива из пузатой кружки и поперхнулась. Все заржали, а красавец с глазами цвета лазури сел рядом, похлопал по спине, участливо спросил, всё ли нормально?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.